

имиже веси судьбами своими, Христе, за молитв кокушек тех, бедных, сидящих в земле.

...О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Воззри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, жене Уриеве, сиречь у живова мужа отнял жену и на постелю к себе взял. Таже вниде к нему Нафан пророк и глагола пророку со дерзновением: «царю Давыде! даждь ми суд праведен на сильного, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у некоего, он же, восхитя, и ту к себе привлече. Да судиши праведне обидящаго со обидимым!» Давыд же отвеща: «сотворивый неправду повинен смертному осуждению»*. И глагола ему Нафан: «царю Давыде! ты сию неправду сотворил: понеже имаши триста жен и семьсот наложниц, не удовольився ими, убив боярина своего Урию, и жену его Вирсавию к себе же на ложе привлече. По суду своему повинен еси смерти». Давыд же рече: «о Нафане, что сотворю? Согреших, неправду сотворих». И глагола ему Нафан: «возри вспять и виждь осуждение твое». Обозревжеса Давыд, виде над собою ангела, — оружие наго держа, хотя его за беззаконие посети*. И възопи Давыд ко господу: «помилуй мя боже, по велицей милости твоей и по многим щедротам твоим очисти беззакония моя» и прочая псалма того, весь до конца. И плакався о гресе том непрестанно и до смерти своей. Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты Давыдски к богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истинну говорю, — время покаяться.

...Любя я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя, — да уже слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте той, но и нонеча хмельненек от Никанова тово напоения; не помнишь Давыдова тово покаяния. Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже пользует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по рускому языку: «господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелеисонот отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и гра-

моту нашим языком Кирилом святым и братом его*. Чего же нам еще хочется лучше твоего? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общего воскресения. «Даще бы и ангельски говорили, — Павел рече, — любви же не имам, бых яко медь звенящи или яко барабаны ваши!»* Никоея пользы в них несть. «Любы не превозносятся, не бесчинствуют, любви не завидит, ни гордится, не раздражается, не ищет своя си, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, вся любит»*. А ты, миленькой, посмотри-тко в пазуху-то у себя, царь христианской! Всех ли христиан тех любишь? Несть больше, отбеже любви и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных христиан, мучишь, правду о церкви божии глаголющих ти. Перестань-ко ты нас мучить твоем! Возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо. Меня хотя и не замай в земле той до смерти моей; иных тех распусти. Потому что меня жалуют люди те, знают гораздо везде: так мне надобе себя поупасти, чтобы в гордость не войти. Писано: «отрада на душу гонение велико живет». И ты, пожалуй, распусти иных тех при себе, а я и так хорош. Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам в господа нашего Исуса Христа. На шестом соборе бысть же сие, — Константин Брадатый проклявше мучителя, отца своего еретика*, и всем верным и страждущим по Христе живот дарова. Тако глаголет дух святой мною грешным, рабом своим: и здесь тоже будет после тебя! И ты послушай меня, сделай доброе при себе, дондеже еси в животе. Егда приидет хищник и восхитит тя, не успеешь тогда; *понеже суд бывает без милости несотворшим милости**. Веть мы у тебя не отнимаем царства твоего здесь, ниже иных взушаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданном от святых отец. Что ти успеет во грядущий век? Грабишь нас напрасно и обнажаешь от Христа. Время и тебе покаются, понеже любит господь бог покаяние.

Хощеши ли, ин путь тебе покажу? Взри на неввитян. В три дни милость божию к себе привлекли сицевым образом. Глагола господь ко пророку Ионе с повелением: «иди и проповеждь ниневитяном, да покаются, понеже грехи их внидоша во уши моя; аще ли ни, погибнут пагубою». Иона же, ведав божие милосердие, яко милостив бывает кающимся, не восхоте в Неввию итти, но седше